

Ю. Шамурин

Великий Новгород

Выпуск 10

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ш19

Ш19 **Шамурин Ю.**
Великий Новгород: Выпуск 10 / Ю. Шамурин – М.: Книга по Требованию,
2021. – 138 с.

ISBN 978-5-458-13824-6

Культурные сокровища России. Выпуск 10. Великий Новгород.

ISBN 978-5-458-13824-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Такъ „откресовался“ Новгородъ. Онъ сталъ тихимъ захолустнымъ городомъ, сонной русской провинціей. Только старыя церкви со своими величественными бѣлыми стѣнами, да дивныя новгородскія легенды хранятъ повѣсть о прошломъ.

Есть преданіе, что, покоривъ вольный городъ, взяли его вѣчевой колоколъ и повезли въ ссылку. И въ Валдайскихъ горахъ онъ упалъ въ оврагъ, и разбился на тысячи звенящихъ осколковъ; они разлетѣлись по всему міру и всюду разнесли славу о Господинѣ Великомъ Новгородѣ и скорбную вѣсть объ его гордой кончинѣ...

Въ русской художественной литературѣ много упоминаній о Новгородѣ. Долгое время всѣ мотивы воли въ русской поэзіи были связаны съ нимъ. Его исторія и его люди врѣзались въ воображеніе огненными образами, вызывая не только восхищеніе, но и сочувствіе. Особенно же вдохновляла исторія Новгорода писателей начала XIX-го вѣка, находившихъ въ ней откликъ своимъ бурнымъ романтическимъ грезамъ.

Гибель новгородской вольности вдохновила Карамзина на историческую повѣсть „Марѳа Посадница“ ¹⁾. Въ длинныхъ рѣчахъ посадницы много славословій великому городу.

„Чужеземные гости... удивляются славѣ Великаго града, красотѣ его зданій, общему избытку гражданъ, и, возвратясь въ страну свою, говорятъ: мы видѣли Новгородъ и ничего подобнаго ему не видали!.. Но знай, о Новгородъ, что съ утратою вольности усохнетъ и самый источникъ твоего богатства; она оживляетъ трудолюбіе, изошряетъ серпы и златитъ нивы...; она же окрыляетъ суда Новгородскія, когда они съ богатымъ грузомъ по волнамъ несутся...

Померкнетъ слава твоя, Градъ Великій, опустѣютъ многолюдные концы твои; широкія улицы зарастутъ травой и великолѣпіе твое, исчезнутъ навѣки, будетъ баснею народовъ. Напрасно любопытный странникъ среди печальныхъ развалинъ захочетъ искать того мѣста, гдѣ собиралось Вѣче, гдѣ стоялъ домъ Ярославовъ и мраморный образъ Вадима: никто ему не укажетъ ихъ. Онъ задумается горестно и скажетъ только: здѣсь былъ Новгородъ!“ ²⁾.

Какъ бы ни казался напыщеннымъ восторженный и красочный языкъ Карамзина, онъ явился первымъ и доселѣ значительнымъ поэтомъ русскаго прошлаго. Несмотря на величину, приводимъ его описаніе жизни Новгорода во время послѣднихъ битвъ съ Москвой.

„Еще много жителей осталось въ Великомъ градѣ; но тишина, которая въ немъ царствуетъ по отходѣ войскъ, скрываетъ число ихъ. Торго-

¹⁾ Сочиненія Н. М. Карамзина. Т. III. Изданіе А. Смирдина С.-Пб. 1848 г.

²⁾ Книга I. Стр. 184.

вая сторона опустѣла: ужъ иностранные гости не раскладываютъ тамъ драгоценныхъ своихъ товаровъ для прельщенія глазъ; огромныя хранилища, наполненныя богатствами земли Русской, затворены; не видно никого на мѣстѣ княжескомъ, гдѣ юноши любили славиться искусствомъ и силою въ разныхъ играхъ богатырскихъ и Новгородъ, шумный и воинственный за нѣсколько дней предъ тѣмъ, кажется великою обителию мирнаго благочестія. Всѣ храмы отворены съ утра до полуночи: Священники не онимаютъ ризъ, свѣчи не угасаютъ предъ образами, еиміамъ безпрестанно курится въ кадилахъ и молебное пѣніе не умолкаетъ на крилосахъ; народъ толпится въ церквахъ; старцы и жены преклоняютъ колѣни. Робкое ожиданіе, страхъ и надежда волнуютъ сердца, и люди, встрѣчаясь на стогнахъ, не видятъ другъ друга... Такъ народъ дерзко зоветъ къ себѣ опасности издали; но видя ихъ вблизи, бываетъ робокъ и малодушенъ! Одни чиновники кажутся спокойными—одна Марѳа тверда душою, дѣятельна въ совѣтѣ, словоохотна на Великой площади среди гражданъ и весела съ домашними. Юная Ксенія не уступаетъ матери въ знакахъ наружнаго спокойствія, но только не можетъ разлучиться съ нею, укрѣпляясь въ душѣ видомъ ея геройской твердости. Онѣ вмѣстѣ проводятъ дни и ночи. Ксенія ходила съ матерью даже въ Совѣтъ Верховный¹⁾.

Пушкинъ не разъ вдохновлялся новгородской исторіей. Въ 1822 году онъ пишетъ отрывки изъ незаконченной поэмы „Вадимъ“. Тамъ есть строки, посвященныя Новгороду. Поэма навѣяна между-усобными распрями первыхъ вѣковъ Новгорода, ихъ нравами, буйными въ обращеніи съ властителями.

Въ грезяхъ Вадима Пушкинъ описываетъ Новгородъ, и въ этой грезѣ съ пушкинской силой и полнотою передано впечатлѣніе подлиннаго, историческаго Новгорода, несомнѣнно видѣннаго поэтомъ неоднократно.

Онъ видитъ Новгородъ великій,
Знакомый теремъ съ давнихъ поръ;
Но тынъ обросъ крапивой дикой,
Обвиты окна повилкой,
Въ травѣ заглохъ широкій дворъ.
Онъ быстро хранишь опустѣлыхъ
Проходить молчаливый рядъ;
Все мертво...

Въ 1816 году Пушкинъ написалъ стихотвореніе „Старича—пророчича“, посвященное барону Дельвигу. На мосту черезъ „синій Волховъ“ стояла старича. Къ ней обратился „молодецъ“, отправляющійся на битву:

¹⁾ Книга II. Стр. 210—11.

„Загадай ты мнѣ на счастье,
Ворочусь ли черезъ Волховъ?
За Шалонью враны каркають,—
Плачеть въ теремѣ невѣста!“

Отвѣтила ему пророчица:

Есть теперь одна невѣста,
Есть одна—святая Софія:
Обручись ты съ ней душою,
Уберися честно ранами...

...Трубы звучать за Шалонью рѣкой,
Грозно взвѣвають московскіе стяги!
Съ радостнымъ крикомъ Софіи святой
Стала дружина...

...Кровью дымилось поле; стихаль
Въ столахъ прерывныхъ и замеръ гласъ битвы.
Теплой твоей, о Софія, молитвы
Спасъ не слыхаль!..

Наконецъ въ путешествіи Онѣгина есть строки о Новгородѣ:

Среди равнины полудикой
Онъ видитъ Новгородъ Великій:
Смирились площади—среди нихъ
Мятежный колоколь утихъ,
Но бродятъ тѣни великановъ:
Завоеватель Скандинавъ,
Законодатель Ярославъ,
Съ четою грозныхъ Иоанновъ,
И вокругъ поникнувшихъ церквей
Кипитъ народъ минувшихъ дней.

Людей начала XIX-го вѣка, конечно, не трогала красота новгородскаго искусства: ихъ волновали огненные страницы исторіи Новгорода, его трагическая судьба. Тотъ скрытый пламень мятежа, который накопился послѣ событій 1812-го года и нашель разрѣшеніе съ одной стороны—въ бунтѣ декабристовъ, а съ другой—въ огромномъ размахѣ творческихъ силъ 20-хъ и 30-хъ годовъ, находилъ себя въ далекихъ вѣкахъ новгородской исторіи. Н. Языковъ воспѣлъ Новгородъ въ прекрасныхъ, но теперь нѣсколько поблекшихъ отъ частаго употребленія, строкахъ:

Время пролетѣло,
Слава отжита;
Вѣче онѣмѣло—
Сила отнята.
Городъ воли дикой,
Городъ буйныхъ силъ—
Новгородъ великій
Тихо опочилъ...

У Языкова есть еще несколько лирических стихотворений, навеянных новгородской историей. Его бурная муза принимала романтическое прошлое Новгорода в ореолы воинственных легенд и преданий. Одним из лучших вдохновений поэта является „Военная Новгородская пьеса 1170 г.“.

Свободно, высоко взлетает орелъ,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полетъ,
Сдержи своенравное море!

Не такъ ли, о други! къ отличнѣй любви,
Краса благороднаго сердца,
На битвѣ за славу и честь
Смѣла, и сильна, и побѣдна?

Смотрите, какъ пышень рождается день,
Какъ наши играютъ знамена;
Не даромъ красуется день,
Не даромъ играютъ знамена.

Видѣте сражаться подъ яркой зарей;
Отважнѣй душа и десница,
Когда передъ бодрымъ полкомъ
Хоругви завѣтныя блещутъ....

...Свободно, высоко взлетаетъ орелъ,
Свободно волнуется море;
Замедли орлиный полетъ.
Сдержи своенравное море! 1).

Будучи въ 1842 году въ Новгородѣ Герценъ написалъ яркую статью «Новгородъ Великій и Владиміръ на Клязьмѣ», напечатанную въ 1855 году въ «Полярной Звѣздѣ».

«...Память вышибъ своей долбнею царь Иванъ Васильевичъ пѣтъ новгородцевъ, а долбня эта осталась и хранится въ соборѣ».

«...Зданія, пережившія смыслъ свой, наводятъ ужасъ, когда вы спросите объ нихъ новгородца, выросшаго и состарѣвшагося здѣсь, и онъ вамъ отвѣтитъ: «говорятъ, еще до Петра строено». Софійскій соборъ стоитъ на томъ же мѣстѣ, а противъ него губернское правленіе съ какой-то подъячески осунувшейся фасадой. Въ соборѣ хранится, какъ я сказалъ, долбня, а въ губернскомъ правленіи въ золотомъ ковчегѣ записка Аракчеева къ губернатору о убійствѣ его любовницы».

«...Странная судьба Новгорода—въ его исторіи два имени не забыты, оба женскія: Марѳа посадница и Настасья наложница; обѣ обрушили на Новгородъ невыразимыя бѣдствія. Первая жизнью, вторая смертью. Москва радѣлась смерти первой, Петербургъ плакалъ о второй!».

1) Н. Языковъ. Стихотворенія. Часть I, стр. 66—7. С.-Пб. 1858 г.

Даже мирный Гончаровъ залюбовался тревожной исторіей Новгорода. Въ пятой части «Обрыва» онъ говоритъ о Татьянѣ Марковнѣ: «Пришла въ голову Райскому другая царица скорби, великая русская Марѳа, скванная, истерзанная московскими орлами, но сохранившая въ тюрьмѣ свое величіе и могущество скорби по погибшей славѣ Новгорода, покорная тѣломъ, но не духомъ, и умирающая все посадницей, все противницей Москвы, и какъ будто распорядительницей судебъ вольнаго города».

Въ 1840-хъ годахъ забываютъ о Новгородѣ. Вновь появляется интересъ къ нему въ концѣ XIX вѣка, но уже подходъ къ нему не поэтический, а художественно-историческій. Сначала заинтересовываетъ его архитектура XI, XII и XIV вѣковъ. Затѣмъ въ самые послѣдніе годы возникаетъ новое, еще не завершенное, преклоненіе передъ Новгородомъ: переоцѣнивается и высоко возносится русская иконопись, и въ ней высшими геніальными достижениями оказываются новгородскія иконы.

Теперь въ результатѣ Новгородъ занимаетъ еще болѣе крупное мѣсто въ исторіи русской культуры. Онъ не только славенъ своей исторіей: онъ создалъ вполне самобытное русское искусство, пережившее политическую смерть Новгорода, и только въ концѣ XVI вѣка уступилъ значеніе центра русскаго творчества Москвѣ. Еще долгіе годы это было только географическимъ перемѣщеніемъ, потому что Москва продолжала питаться сокровищами новгородскаго наслѣдства.

Значеніе еще не завершившагося процесса открытія новгородскаго искусства въ исторіи русской культуры, да и въ исторіи Россіи вообще, огромно: раньше фундаментомъ русскаго творчества былъ XVII вѣкъ, иногда и кой-гдѣ XVI, а дальше шло что-то туманное и случайное: теперь мы видимъ, что не только XV, но XIII и XII вѣка были эпохой высоко развитой культуры, что во многихъ областяхъ эти почти миѳическіе вѣка шагнули недостижимо далеко!

Мы знаемъ въ Новгородѣ великолѣпные храмы XII вѣка, знаемъ архитектуру XIV и XV вѣковъ, изумляющую своей оригинальной, не знающей никакихъ сближеній въ исторіи мірового искусства, красотой; знаемъ стѣнные росписи церквей, датированныя XII и XIV вѣками; знаемъ иконы, скульптуру, прикладное искусство; наконецъ, знаемъ высокое развитіе письменности...

И, наконецъ, каждый уголокъ, каждая церковь Новгорода овѣяна исключительной поэтической прелестью легенды. Нельзя пренебрегать легендами: онѣ такой же продуктъ художественнаго творчества, какъ иконы и храмы. Чѣмъ образнѣе, чѣмъ дальше отъ правды, но ближе къ красотѣ легенда, тѣмъ цѣннѣе она. Новгородскія легенды складывались давно: уже страницы лѣтописей пестрятъ ими. Въ нихъ находятъ себѣ мистическое

истолкованіе событія новгородской жизни, онѣ овѣвають плѣнительной загадкой старыя церкви, даже отдѣльныя иконы. Въ нихъ глубоко отражается душа создавшаго ихъ вѣка, его темпераментъ, его міроощущеніе. Не даромъ легенды, приближаясь ко времени новгородской гибели, становятся тревожнѣе, ихъ предзнаменованія грозны, словно уже почувяла народная душа грядущія грозы!

Для насъ легенда только красивая сказка. Но для людей стараго Новгорода, принимавшихъ міръ, какъ волю Божію, какъ шаткій синтезъ сплетеній Добра и Зла, легенда была достовѣрна.

Все это дѣлаетъ скромный и скучный провинціальный городъ, дремлющій надъ Волховомъ, такимъ же средоточіемъ русской культуры, какъ Кіевъ, Москва и Петербургъ!..

I.

Поѣздъ на разсвѣтѣ приближается къ полустанку Николаевской ж. д. «Волховъ». Чего-то сказочнаго ждетъ душа и странно видѣть за слезящимся окномъ вагона въ сѣро-голубомъ осеннемъ полусвѣтѣ проносящіяся чахлые перелѣски, болотистыя поляны, съ поблескивающимъ въ отраженіи небомъ. Загѣмъ проносится поѣздъ по мосту черезъ широкую, дымящуюся туманомъ рѣку и останавливается у дощатаго полустанка.

Это Волховъ—рѣка легенды и исторіи. Пароходъ запаздываетъ, опасаясь въ туманѣ порожистой и быстрой рѣки. На пристани, тускло освѣщенной фонарями, дремлетъ продрогшая публика. Кругомъ съ невидной рѣки несетъ, клубясь и сливаясь въ странные образы, холодный туманъ. Какъ миражъ видится въ немъ желѣзный мостъ, фабричныя трубы на дальнемъ берегу, и свѣтлѣющее небо на востокѣ...

Все плыветъ кругомъ и кажется призракомъ. У берега плещется мутная коричневая вода, набѣгая мелкими волнами. Все бѣгутъ туманные призраки: холодныя крылатыя тѣни вязнутъ въ черныхъ вѣтвяхъ березъ и проводятъ по лицу холодными крыльями. Пусть виденъ мостъ и пытитъ гдѣ-то паровая машина, и свиститъ приближающійся пароходъ, все это не рушитъ поэзіи разсвѣта на Волховѣ; все же въ такое утро бродилъ по берегу пустынной рѣки Садко и пѣлъ въ тоскѣ, вглядываясь въ широкую туманную равнину, и слышалъ вдали пѣснь Волховы и увидѣлъ «чудотное, диво-дивное»...

Уже становится совсѣмъ свѣтло, когда приходитъ пароходъ. Послѣ неждоной стоянки отваливаетъ и свободно идетъ среди полноводной, парственной рѣки, такой непохожей на изсохшія приволжскія рѣки. Исчезаетъ желѣзнодорожный мостъ и прячутся за высокимъ берегомъ трубы кузнецовской фабрики. Тянутся вольные волховскіе берега, оставшіеся такими же пустынными, какъ и много вѣковъ тому назадъ. Назадѣ остается современность и пароходъ, съ каждой волной, оббѣгающей корму и вливающейся въ пѣнящійся слѣдъ, точно уходитъ въ даль вѣковъ.

На высокомъ правомъ берегу высится Званскій монастырь и открываетъ рядъ историческихъ памятниковъ начала XIX вѣка. Среди густыхъ деревьевъ бѣлѣютъ монастырскія церкви и между ними прекрасная колоннада. Монастырь помѣстился въ любимой усадьбѣ Г. Р. Державина—Званкѣ, навѣявшей ему много стихотворныхъ строкъ.

Дальше на томъ же берегу вырисовывается сѣрый домъ съ бѣлыми колоннами — усадьба Вергежи Тырковыхъ.

Скоро по обоимъ берегамъ Волхова тянутся на многія версты однообразные корпуса — то каменные, то деревянные, чередуясь съ какими-то вышками и плацами, обсаженными деревьями. Это пресловутыя военныя поселенія Аракчеева. Какъ кошмаръ тянутся по вольнымъ берегамъ уродливыя казармы, похожія съ рѣки на противную палѣсень. Вихремъ кровавыхъ и уродливыхъ воспоминаній врываются они въ величественную легенду Волхова. Точно послѣ красивыхъ и волнующихъ страницъ открылась убогая и кровавая повѣсть, надъ которой нельзя думать, стыдно смотрѣть и хочется только навсегда забыть!..

Когда кончаются военныя поселенія, опять широко раскидывается зеленая равнина по сторонамъ рѣки. Скоро впереди вырисовываются бѣлыя церкви — первые вѣстники Новгорода. Еще неотчетливо, почти намеками, показываютъ онѣ какую-то новую архитектурную красоту, незнакомую московской Руси: гладкія бѣлыя стѣны, суровыя главы, лишеныя всякой нарядности и узорчатости. Все это глубоко родственно представленію о тѣхъ далекихъ вѣкахъ, въ которые былъ славенъ Новгородъ.

Сначала показывается налѣво Варлаамовъ Хутынскій монастырь. Какъ большая часть новгородскихъ монастырей онъ основанъ въ XII вѣкѣ и первые вѣка его исторіи окружены легендами. Преподобный Варлаамъ былъ именитый новгородскій гражданинъ. По смерти родителей онъ роздалъ бѣднымъ свое имущество и уединился для молитвы и христіанскаго подвига въ лѣсную чашу, въ дремучій темный боръ; и однажды на молитвѣ увидѣлъ пустычникъ Варлаамъ, какъ необычно яркій лучъ солнца пробивается сквозь толщу вѣтвей и упирается въ землю. Появивъ знаменіе, Варлаамъ построилъ здѣсь себѣ келью, собралъ иноковъ, построилъ съ ними церковь во имя Преображенія Господня и положилъ основаніе монастырю. Старыхъ на новгородскій масштаб построекъ здѣсь не сохранилось, самая древняя — Преображенскій соборъ, относящійся къ XVI вѣку. Онъ освященъ въ 1515 году, придѣлы же пристроены въ серединѣ XVII вѣка.

Много легендъ связано съ Хутынскимъ монастыремъ. Въ 1471 году, придя въ Новгородъ, Іоаннъ III посѣтилъ монастырь; онъ хотѣлъ открыть мощи святителя и велѣлъ откопать его гробницу; тогда поднялся огонь, густой дымъ наполнилъ церковь; въ ужасѣ выбѣжалъ изъ церкви царь, и

всюду, куда ни ставилъ онъ свой посохъ,—выбивался огонь изъ земли. И донынѣ хранится въ монастырѣ драгоцѣнный посохъ, брошенный царемъ, и опаленная дверь алтаря!

За Хутынскимъ монастыремъ уже ясно чувствуется близость Новгорода. По обоимъ берегамъ выплываютъ, смѣняясь, суровыя бѣлыя церкви монастырей, когда-то окружавшихъ гору широкимъ поясомъ: Деревяницкій монастырь, Колмовская церковь—остатокъ Успенскаго монастыря, основаннаго въ 1310 году, два монастыря, одинъ напротивъ другого, Звѣринъ и Антоніевъ. Эти два монастыря — первыя художественныя впечатлѣнія Новгорода. Уже издали ихъ бѣлыя стѣны, гладкія, лишеныя украшеній, ихъ суровыя, какъ шлемы богатырей главы, далекія отъ всѣхъ видѣнныхъ памятниковъ древне-русскаго зодчества, намекаютъ на царственную обособленность искусства Великаго Новгорода.

Антоніевъ монастырь основанъ въ первые годы XII вѣка. Его соборъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ церквамъ Новгорода. Первые вѣка Антоніева монастыря, какъ и все здѣсь, въ этой легендарной области, окружено преданіями. Они фантастичны, они сплетены на основѣ того довѣрчиваго, допускающаго всякое вмѣшательство высшихъ силъ въ ходъ человѣческой жизни, мистицизма, которымъ наполнены лѣтописи и житія святыхъ, о которомъ въ невыразимо убѣдительныхъ формахъ вѣщаютъ иконописцы. Имъ не вѣрять современная душа, но отбросить какъ вымыселъ тоже не можетъ, потому что почти каждая легенда подтверждается вещественными памятниками, въ родѣ обугленной двери изъ Хутынскаго монастыря.

Можетъ быть правда, жили когда-то люди въ иныхъ возможностяхъ, не зная законовъ природы и жизни, сводящихъ жизнь современности къ шаблону, къ распisanію поѣздовъ? Можетъ-быть было время, когда ходъ вещей направлялся разумной волей, и Богъ, близкій человѣку, направлялъ его шаги, являлъ ему знаменія и чудеса?..

Житіе св. Антонія рассказываетъ, что онъ родился въ Римѣ. Оставшись рано сиротой, онъ раздалъ свое богатство нищимъ, а оставшіяся драгоцѣнности, золотыя и серебряныя вещи и церковныя предметы закупорилъ въ бочку и пустилъ ее въ море. Самъ уединился на скалѣ на берегу моря и прожилъ тамъ годъ и три мѣсяца. Но однажды камень, на которомъ онъ молился, сторвался и чудесно поплылъ по морю. Послѣ трехдневнаго пути Антоній приплылъ, черезъ Неву и Ладожское озеро, въ Волховъ и очутился въ Новгородѣ. Это было въ ночь подъ Рождество Христово въ 1106 году. На мѣстѣ, гдѣ онъ присталъ къ берегу, преподобный Антоній Римлянинъ построилъ монастырь. Черезъ годъ онъ попросилъ рыбаковъ за слитокъ серебра закинуть сѣтъ въ Волховъ, и чуднымъ образомъ сѣтъ вытащила на берегъ бочку съ сокровищами Антонія, брошенную имъ въ море въ Италіи. Такъ говорятъ легенда и смѣшно ей